

XX 63
II

Всесоюзная
Библиотека
В. И. Ленин

№ 10
ОКТАБРЬ
1937

Мурзилка

ДЕТИЗДАТ
ЦК ВЛКСМ

СЛАВА НАШЕЙ РОДИНЫ

Далеко на весь мир гремит слава нашей родины. По всей земле знаменит СССР — единственная в мире страна, где все — и власть, и богатство, и свобода, и счастье, и почет — принадлежит тем, кто трудится.

Наше государство славится великой дружбой народов, самыми мудрыми, самыми справедливыми законами.

Добрая и грозная слава у нашей Рабоче-крестьянской Красной армии, самой храброй и сильной в мире.

Веселая и звонкая слава у наших ребят, самых счастливых на всей земле.

Высоко гремит слава наших советских летчиков, самых смелых, настойчивых и умелых во всем небе.

Громко поют славу нашей родины советские артисты, народные поэты, музыканты, самые лучшие, самые знаменитые в мире.

Великая слава нашей родины создана за двадцать лет советскими людьми, которых взрастили и воспитали ленинская коммунистическая партия, наш вождь и учитель товарищ Сталин.

И родина отмечает своих знатных питомцев знаками славы и уважения — орденами Советского Союза.

Знаки славы нашей родины смотри на стр. 13.

Владимир Ильич Ленин руководит восстанием в октябрьские дни 1917 года.

Сказание о ЛЕНИНЕ

Далеко на севере, на берегу Белого моря, в деревне Нижняя Золотица, живет знаменитая сказительница — Марфа Семеновна Крюкова. Ее сказки и былины известны всей стране. Часто по вечерам колхозники собираются, чтобы послушать Крюкову. Марфа Семеновна рассказывает о своей родной деревне, о В. И. Чапаеве, о походе „Челюскина“, о гражданской войне. В самом большом своем сказании она говорит о Ленине, о Сталине и по-своему, на сказочный лад, воспекает Великую Октябрьскую пролетарскую революцию и гражданскую войну.

Вот отрывок из этого сказания:

Как приехал - то славный, великий вождь,
Как встречал его народ с честью, с радостью,
С честью, с радостью, с удовольствием.
Мужики - чернопахари к нему шли
перевалами,

Заводские работнички к нему шли всею
массою.
Стал тут Ленин говорить народу правду
сущую:
„Надо кончать войну — она не к надобью,
Надо забрать ключи государственные

У помещиков, у заводчиков,
Надо отобрать землю ото всех от них,
Чтоб наделить землю крестьян -
чернопахарей.

Надо отобрать заводы у заводчиков, —
Сами работнички будут управлять во всем;
Надо отобрать лавочки торговые
Ото всех купцов да от богатых же!
Как услышали таковые речи
Помещики, заводчики да генералы
с офицерами,

Выкатили пушку скорострельную,
Хотели застрелить вождя народного,
Чтоб не приводил он народ во смущение.
Как бросаются они к пушке к боевой,
А у пушки - то солдатиками спуски
разворочены,
Стрелять - то было нечем им.

Народ взял - схватил вождя в оханочку,
Увезли Ленина во чисто поле,
Из прутьиков из ракитовых шалашик ему
сделали,
А самого его одели в одежду пастушечью.
Не могли отыскать его да погубить
урядники, —

Народ знал про шалашик, да не сказывал.
Получал народ предписаньице от Ленина
Да по его совету мудрому и вел дела.

Как собрался народ со всей силой бога-
тырскою,

Повернул он славному землю - матушку
На другую на стороночку, на справедливую,
Да забрал ключи от Россиюшки
У всех помещиков, у купцов, у заводчиков.
Да и поверил-доверил всю землю - матушку
Вождю Ленину со помощничками,
Со всей партией большевистскою.
Принял он ключи золотые от всей земли,
Назначил себе во помощнички друга Сталина,
Во служеньице брал себе людей из простых
родов,

Из простых родов да из бедности.
Богачи - господа тут испугались,
Кто куда да затаилися.
А для народу простого настал праздничек,
Народ одевался в платье цветное,
праздничное,
Веселые песни пел от удовольствия.
Но не долго веселье продолжалось,
Не долго народ прожил в радости:

Как подымалась тут туча темная
Над нашей землей, над советскою,
Взбушевала тут погодушка немалая,
Обтянула небо тучами со всех
сторон.

Собирались генералы да урядники,
Собирались помещики да заводчики,
Собирались князья да со дворянами,
Собирались купцы да богатые,
Скоплялись они в место тайное,
В место тайное, в потаенное.
Говорили они меж собой таковы слова:
„Соберем мы генералов с офицерами,
Соберем мы всю белую дружинишку,
Нападем на силу Красной армии“.

А Ленин-вождь в Кремле похаживает,
Своей ручкой по голове поглаживает.
Он по комнате со тревогой ходит наскоро:
„Ой, львы, да все свирепые,
Ай, собаки, да все бесчестные,
Не дают, собаки, отдохнуть же нам,
В делах наших управиться да наладиться!
Приведется бой держать с ними, бороться,—
Мы их боем возьмем, дракой кроволитною;
Призовем мы из степей из привольных
Клима-кузнеца, славна Ворошилова,
Призовем мы с того с Дону тихого
Красного казака геройского Буденного,—
Пусть побьют они силу белую,
Силу белую, для народа ненавистную“.

Правда с кривдой повстречались,
Повстречались, заборолися.
Нападала сила белая да со всех концов.
Они хотели убить-погубить народных
управителей,
Поставить на место старый царский трон,
Чтоб опять пошла жизнь все по-старому,
Все по-старому да попржнему.

Как бела грива да развевается,
Как белый хвост трубой завивается,
Как изо рта коня пламя-дым валит,
Как из глаз коня искры сыпятся,—
На коне сидит да наш ясен сокол
На имя Клим да Ворошилов-свет.
За ним едет красный казак-донской,
Буденный едет на вороном коне.
За ними едет да конна гвардия,
Конна гвардия, красная сила боевая.
Как грянули-наехали на силу белую,
Полки белые тут заколебались,

И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов в окопах под Царицыном.

С картины художника М. Грекова.

Заколебались да пошатались.
 Тут генералы белые призадумались:
 „Не побить будет силы Красной армии,
 Надо попросить силушки в подмогу нам
 Из земель да из иностранных же“.
 Сговорились с королями иностранными,
 Согласились короли с полным
 удовольствием;
 Им хотелось, чтоб в Россиюшке царь царил,
 Им хотелось получить за то подарки
 ценные,
 Получить землю, выделить часть из
 Россиюшки.
 Короли снарядили полки да отправили.
 У белых войско теперь подкопилось,
 И напали они на славну Красну армию.
 В ту тяжелую пору, во тревожное
 времечко,
 Великая досадушка случилась с вождем
 Лениным.
 Он поехал по всем заводам, по фабрикам
 Рассказать народу про дела,
 про положеньице.
 Он приехал на завод за Москва-реку,
 Стал тут речь про все говорить.
 А в ту пору, в ту минуточку

Змея лютая¹⁾ подкралася.
 Она ужалила, ударила вождя Ленина,
 Немного не дошла до милого сердечушка,
 Она сделала рану очень глубокую,
 Очень глубокую, злодейка, ядовитую.
 Тогда падал Ильич на сыру землю,
 Поднимали его работнички заводские,
 Клади его да на носилочки,
 Приносили его в комнаты во кремлевские
 Ко его милой жене, к Надежде
 Константиновне.
 Когда Ильич пришел в сознаныице,
 В сознаныице пришел, в память полную,
 Приказал он призвать к себе Сталина.
 Заходил Сталин в ихнюю спаленку,
 Подошел он да ко кроваточке.
 Сказал ему Ильич да таковы слова:
 „Такое пришло сейчас времечко,
 Могут всех нас повыгубить!
 Ты пойдя, помоги своей силой
 богатырскою,
 Силой богатырскою, советом мудрым,
 Чтобы наша Красна славна гвардия,

¹⁾ В 1918 году враг-эсерка Каплан стреляла в В. И. Ленина и ранила его.

Она чтоб приободрилась
Да своей храбрости прибавила".
Сталин не много тут разговаривал.
Приказаньица он не ослушался,
Надевал он платъице военное,
Он брал себе да все добра коня,
Он поехал да скоро-наскоро.
Улетел, сокол, во чисто поле,
Во чисто поле к славной Красной гвардии.

Приезжает он ко своей силе-армии,
Собрал-то он дружинишки да все
храбрые,
В стременах-то приподнялся он,
Приподнялся он да речь говорил:
„Уж вы гой еси, бойцы Красной армии!
Пришло времечко самое тяжелое:
Мы должны всеми силами собраться,
Своею храбростью разбить врагов,
Разбить врагов, разметать злодеев всех.
Послал меня к вам Владимир Ильич,
Он лежит-хворает да все постанывает

От злодейки-змеи, от той от раны глубокой.
Разобьем врага, так он поправится“.

Тут приударили полки красные,
Полки красные да своей храбростью.
Белая сила растерялася,
Растерялася да разбегалася.
И погнали ту силу белую,
Гнали-гнали с утра до вечера,
Гнали-гнали с вечера до ноченьки,
А с ноченьки все до утрица.
Они били-рубилы, как могли, ее,
В синие моря всех генералов пометывали:
Одного генерала с войском в наше море Белое,
Другого генерала с войском в море Черное,
Третьего генерала с войском в море западное,
Четвертого генерала с войском в море
дальневосточное,
Всех других генералов со полковниками,
Со полковниками да с офицерами
Загнали в болота зыбучие
Да в глубокие реки во быстрые, —
Тут им и конец пришел.

Записал и обработал Викторин Попов.

Товарищ Сталин среди московских пионеров на Щелковском аэродроме.

СМЕТЕННЫЕ ОКТЯБРЕМ

Те, кто были хозяевами нашей страны до Великой пролетарской революции.

ЦАРЬ-САМОДЕРЖЕЦ.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР.

ФАБРИКАНТ-КАПИТАЛИСТ.

ПРИДВОРНАЯ ДАМА.

БАРИН-ПОМЕЩИК.

ГОРОВОЙ.

КУЛАН-МИРОЕД.

МОНАХ.

ЗНАХАРКА-ВОРОЖЕЯ.

РОЖДЕННЫЕ ОКТЯБРЕМ

Те, кого вырастила и воспитала Великая социалистическая революция.

**ЖЕНЩИНА — НАПИТАН
ДАЛЬНОГО ПЛАВАНИЯ.**

ПАРАШЮТИСТКА-КОМСОМОЛКА.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

ПОГРАНИЧНИК-КРАСНОАРМЕЕЦ.

ПИОНЕР.

КОМБАЙНЕР-КОЛХОЗНИК.

СТРАТОНАВТ.

МЕТРОСТРОЕВКА-СТАХАНОВКА.

ЗИМОВЩИК ПОЛЮСА.

НОЧЬ НАКАНУНЕ БОЯ

А. Шманкевич

Рисунки В. Константинова

Скачут, торопятся к затону¹ пять моряков и шестой — парнишка. Вьются ленты бескозырок у моряков, и треплются уши у треуха Андрейки. Андрейку встретил Белан в штабе, где он приставал к начальнику отряда, своему дядьке, — просился в разведчики.

Белан кричит ему:

— Ты, значит, хорошо знаешь старика-водолаза?

— Конечно, знаю. Он там теперь за сторожа. Только сердитый — никому ничего не дает.

Круто осадил лошадей у сторожки и спешили. Андрейка постучал. Водолаз открыл дверь и впустил Белана и Андрейку. Четверо остались у лошадей.

Старый водолаз внимательно посмотрел на Белана, на его крупную фигуру, на загорелое лицо, на ленты с полустертой надписью. Посмотрел и деловито спросил:

— С „Керчи“?

— Да, папаша, с эсминца „Керчь“. Вот что, папаша. Для большого дела нужна водолазная станция. Вышла авария, папаша. Нынче вечером подошел я за своими к тому берегу на баркасе, принял дружка своего Сергея на борт, а у него в кувшине штабная карта белянов — где у них пушки, где пулеметы, где части стоят. Сергей в разведке добыл эту карту. Гребем обратно и, толь-

ко с баканом¹ поровнялись, слышим — мотор. Потом прожектор. Беляки! Куда деться? Изрешетили посудину так, что все с баркасом ушли на дно, и кувшин с картой тоже. Меня же только оцарапало. Выплыл я. Так что, папаша, очень станция нужна.

— Сам знаю, что нужна. Этот с тобой будет? — Водолаз указал на Андрейку.

— Да, со мной. Он говорит, что у вас работал. Знает сигналы.

Андрейка стоял около Белана и был чуть выше медной бляхи на его поясе. Старику хорошо знакомы и синие глаза, и тонкий нос с канавкой, и белые волосы колечками.

Старик посмотрел на Андрейку и сказал:

— Справится. Идемте.

Лошадей поставили в шлюпочный сарай и начали грузить на бот водолазное имущество.

— По дороге проверьте станцию: она давно была в работе. Боюсь за шлем — он старенький, потечь может.

А когда бот отвалил, он крикнул:

— За коней не беспокойтесь, присмотрю!

— Спасибо, папаша! Вернемся, отблагодарим, — донесся уже с реки голос Белана.

Моряк никогда не отвыкает от весел. Четко гребут четверо у самого берега, где течение тише, четко, без скрипа, без

¹ Затон — место стоянки и ремонта судов.

¹ Бакан — знак, который ставится над мелким местом реки.

стука, без всплеска. Двое в темноте наощупь проверяют станцию.

— Суши весла! — тихо командует Белан, и бот стучается носом в бакан.

— Крепи, носовой! Здесь. Давайте рубашку!

Четыре пары рук растягивают тугой воротник из резины и надевают на Белана водолазную рубашку. Андрейка приладил на воротник рубашки медную „манишку“, на ноги — калоши с свинцовыми подошвами и опоясывает петлей сигнальной веревки. Белан переваливает через борт, становится на спущенный в воду трап¹. На спину и грудь легли свинцовые грузы; Андрейка гайками привинтил шлем к манишке.

— Ну, Андрейка, как условились? В случае чего давай тревогу и — сразу наверх.

— Есть, товарищ начальник! — И крикнул через плечо: — Качай!

Тряхнул Белан плечами, поправил удобнее грузы и решительно бросил:

— Давай!

Андрейка ловко задраил иллюминатор², осмотрел, все ли в порядке, и шлепнул рукой по шлему: можно спускаться.

Водолаз быстро дошел до грунта. Трудно ходить по грунту, и, хотя течение слабое, держит Белан воздух — чуть-чуть жмет головой на пуговку золотника, травит лишний воздух, чтобы быть тяжелее.

Ползает Белан на четвереньках и шарит руками и вправо и влево. Ищет Белан на илистом дне погибших товарищей, баркас и кувшин. Вода сжимает рубашку и вдавливая в рану бинт. Ноет рана...

Руки нащупали борт. Лежит баркас на киле, носом против течения. Но не нашел Белан друга, не нашел и товарищей. Унесла их Волга в Каспий.

Шарит Белан руками по баркасу, торопится — нет кувшина. Вдруг перестало шипеть в шлеме, перестали качать воздух. Что там, наверху? Грудь стискивает водой. Белан хватается сигнал и дергает два раза. Воздуха! Больше воздуха!

Шипение возобновилось, и он жадно

глотает густой воздух... Но почему стало светло? Откуда этот молочный свет? Проектор! Опять накрыли... Белан встал во весь рост, но течение повалило его в баркас. Падая, он увидел под банкой кувшин.

А наверху первым услышал рокот мотора Андрейка. Сердце забилося часто.

— Беляки! — крикнул Андрейка. — Катер!

На секунду все застыли, слушая темноту. Говорок мотора угрожающе нарастал.

Резко два раза дернулся сигнал в руке Андрейки. Водолаз просил воздуха.

— Качай! Качай сильнее! — почти кричал Андрейка и задергал сигнал часто, тревожно.

Вдруг там, откуда был слышен мотор, в темноте вспыхнула ослепительная звездочка. От нее метнулся луч и, выхватив из темноты рыбацью хибарку на берегу, залил ее светом. Как бы полюбовавшись ею, луч сполз к воде. Метр за метром скользил он к баркасу, и не было сил остановить его.

Двое матросов бросились к оружию.

Собрав все силы, тянет Андрейка сигнал, но он не поддается.

— Зацепился. Скорей, надо скорей!

Темнота шарахнулась в сторону, и холодный яркий свет залил руку, лицо и весь бот.

Не слышал первой очереди пулемета матрос у помпы, — без стога свалился он на дно бота. Защелкали свинцовые капли по борту, полетели мелкие щепки в воду.

Во весь рост привстал на носу второй, схватился рукой за голову, как будто хотел сдернуть бескозырку перед мертвым товарищем, но вдруг перегнулся в поясе и упал вперед руками в сверкающую воду.

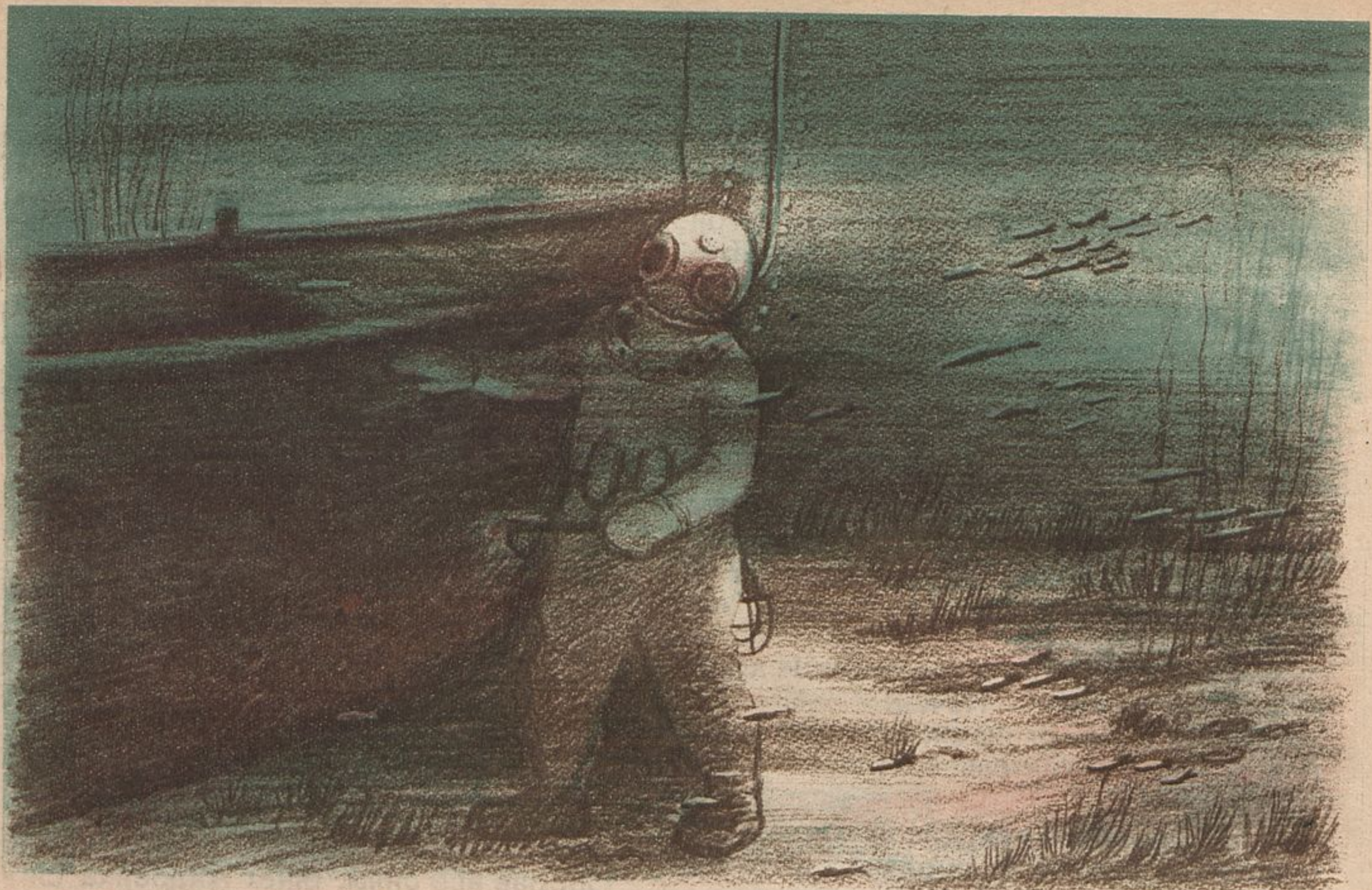
Неистово продолжает вертеть колесо третий, а четвертый посылает наугад обойму за обоймой. Но пуля опрокинула и его на дно бота.

Осталось двое наверху и Белан под водой... Андрейка, укрывшись за борт, тащит водолаза наверх.

Снова твоякает пулемет. Последний гребец со стоном падает на колени; он зажимает одной рукой рану, а другой не перестает вертеть колесо.

¹ Трап — лестница.

² Иллюминатор — круглое окошко; у водолаза оно ввинчивается (задраивается) в шлем.

Над водой блеснула медь шлема, и Белан, вскарабкавшись на трап, швыряет на дно бота кувшин. Он раскололся с глухим треском, и вместе с белой жижей из него вывалился тугой сверток в резине. И вдруг взвизгнула пуля мимо Андрейкина уха и впилась в блестящий Беланов шлем.

Со свистом вырвался воздух из маленькой дырочки в шлеме, чуть выше иллюминатора. Обмяк Белан и застыл на борту без движения.

— Сверток, сверток бери и плыви... Я их немного задержу, гадов... Скорей! — тормозит Андрейку последний матрос.

Он сует ему в руки сверток, а сам ползет к носу. Три удара ножа матрос рубит носовой конец. Бот медленно начал отходить вниз по течению.

Андрейка сбрасывает сапоги, треух, тужурку, сует сверток в глубокий карман и прыгает в тень рубки. Он видит, как матрос, прильнув к борту, тискает в винтовку обойму.

— Прощай! — кричит Андрейка и, перескочив через борт, скрывается в холодной темноте.

Андрейка вынырнул далеко. Прожектор не выпускал бота. Пулемет не смолкал. Матрос отвечал одиночными выстрелами и вдруг смолк. Бот медленно плывет по течению. Луч прожектора заскользил к Андрейке. Андрейка приготовился нырнуть. Нырнул, как только свет подошел вплотную. Под водой оставался долго, пока не заняло в груди. Вынырнул — прожектор уже впереди, щупает берег. Резко хлопнул выстрел с бота, и свет моментально погас.

Это матрос последним патроном раздробил стекло прожектора... С катера донеслась ругань и какая-то команда, снова протрещал пулемет и затих. Андрейка поплыл к берегу.

Когда небо над окраиной начало светлеть, затрубил горнист наступление. Тогда застучали сотни подков, загромыхали тачанки и орудия. Дробью шагов простучала пехота, и вскоре ухнули над Волгой залпы орудий. Снаряды ложились там, где на доставленной карте помечены белые батареи. Дорого заплатили белые за смерть Белана и его товарищей.

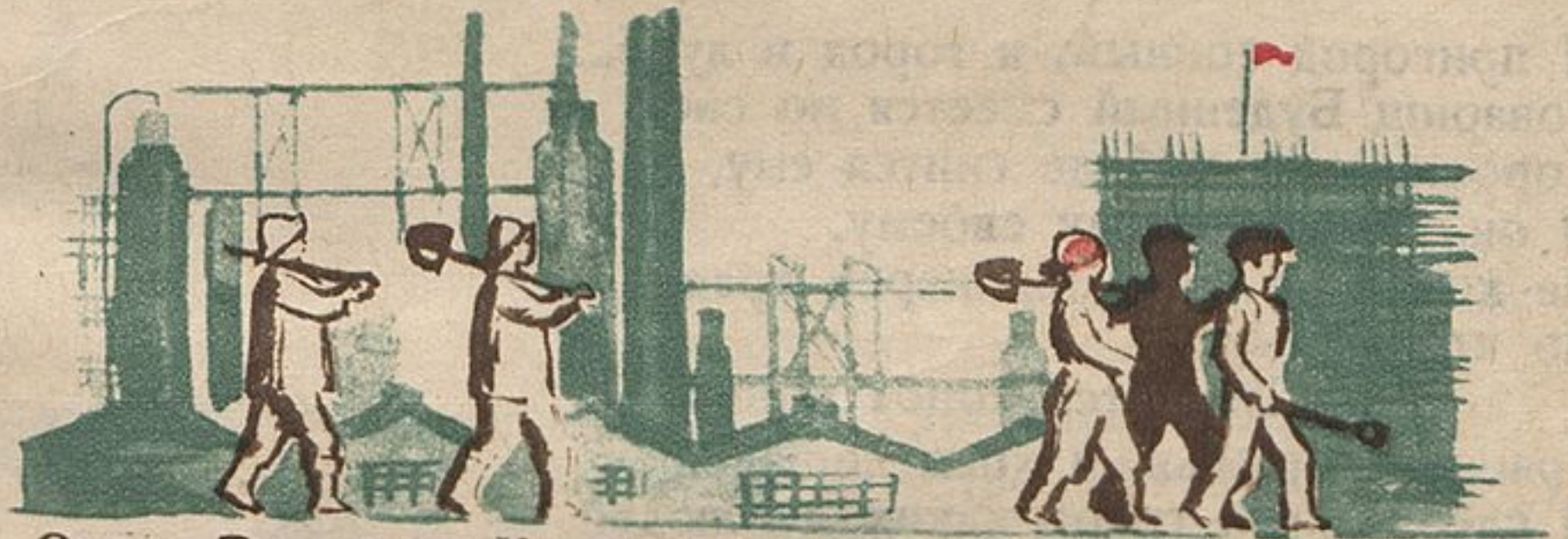
ЗНАКИ СЛАВЫ НАШЕЙ РОДИНЫ

Орденом Ленина украшена грудь самых смелых, самых верных, самых знающих людей нашего труда, нашей науки, нашего искусства, нашей армии, наших кораблей, нашей авиации, наших полярных экспедиций.

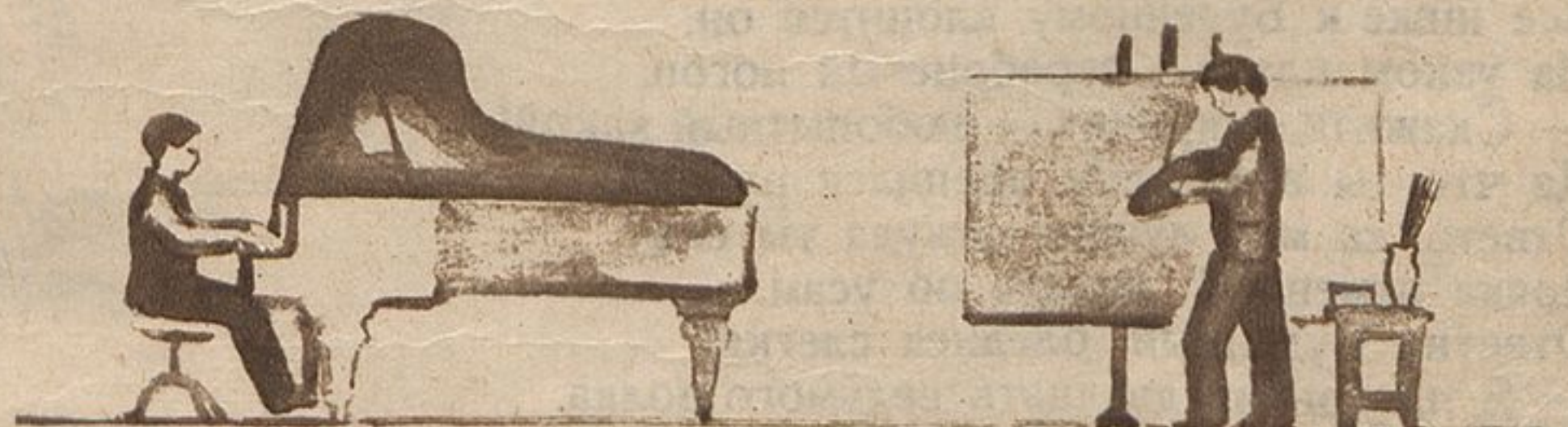
Орден Боевого Красного знамени носят герои, отвагой, жизнью и кровью своей защищавшие Страну Советов от врагов.

Орден Трудового Красного знамени получают те, кто своим трудом, искусством, знаниями помогают родине крепнуть, строиться и радостно расти.

Орден Красной звезды — почетная награда людям, которые оберегают советские границы и укрепляют боевую силу родины.

Орденом „Знак почета“ страна награждает тех, кто прославился в своем деле — на заводе, в колхозе, на море, в Арктике, в шахте, в небе, под водой, в научном институте, на театральной сцене, в художественной мастерской или в концерте.

* *
*

И пригород сонный, и город в луне...
Въезжает Буденный на рыжем коне.
А с ним Ворошилов на белом, как снег,
А с ними буденновцев пять человек.
Качаются в седлах бойцы и молчат,
И только копыта о землю стучат.
Серебряный тополь шуршит за спиной,
И спит Симферополь под круглой луной,
И ветер по-южному нежен и слаб...
Спешат командармы, торопятся в штаб.
В окошках штабных замелькали огни,
И долгое время не гасли они.

И пригород сонный, и город в луне...
Товарищ Буденный смеется во сне.
Хорошее что-нибудь снится ему,
И он улыбается сну своему.
На койке во-всю ординарец храпит...
Но что это?

Слышится топот копыт,
Бряцанье оружия, и храп лошадей,
И сдержанный говор каких-то людей.
Буденный с походной кровати встает,
Наган в кобуру торопливо сует.
Скрипят половицы — вот дверь и крыльцо...
И ветер с размаху ударил в лицо,
И сыростью пахнет рассветная мгла...
Вдруг всадники вырвались из-за угла,
И, первую лошадь сдержав на скаку,
Спросил командарм, обратясь к седоку:
— Откуда взялась эта конная часть
И как умудрились вы в город попасть? —
Прозрачнее стала рассветная мгла,
И всадник лениво слезает с седла.
Все ниже к Буденному клонится он,
На узком плече — серебристый погон.
— Скажите, — кричит, — любопытный какой!
Да что ты в уздечку вцепился рукой?
Ответь-ка мне лучше: откуда ты сам?
Вояка отменный, видать по усам. —
Ответил Буденный, бледнея слегка:
— Я писарь из двадцать седьмого полка.
Никак не найду я полка своего...
И слышит в ответ:

— Расстреляйте его!

ЧАСАХ

Е. Благинина
Рисунок Г. Туганова

* *
*

Хорошее солнце в осеннем Крыму...
А сколько пришлось натерпеться ему!
Стоит командарм на виду у полка,
И сердце его забирает тоска.
Кольцом окружили его беляки,
А он с кобуры не снимает руки
И в памяти ищет проклятый ответ:
Заряжен револьвер, заряжен иль нет?
И вдруг, улыбнувшись тревожно в усы,
Выхватывает из кармана часы.
Часы золотые свои достает
И их командиру полка подает.
...Сверкает цепочка в горячих лучах,
Сверкают погоны на статных плечах,
Как желтые свечки, везде огоньки —
Сверкают уздечки, сверкают штыки.
И все загляделись на блеск золотой...
Вдруг выстрелы, крики:

— Куда ты? Постой! —

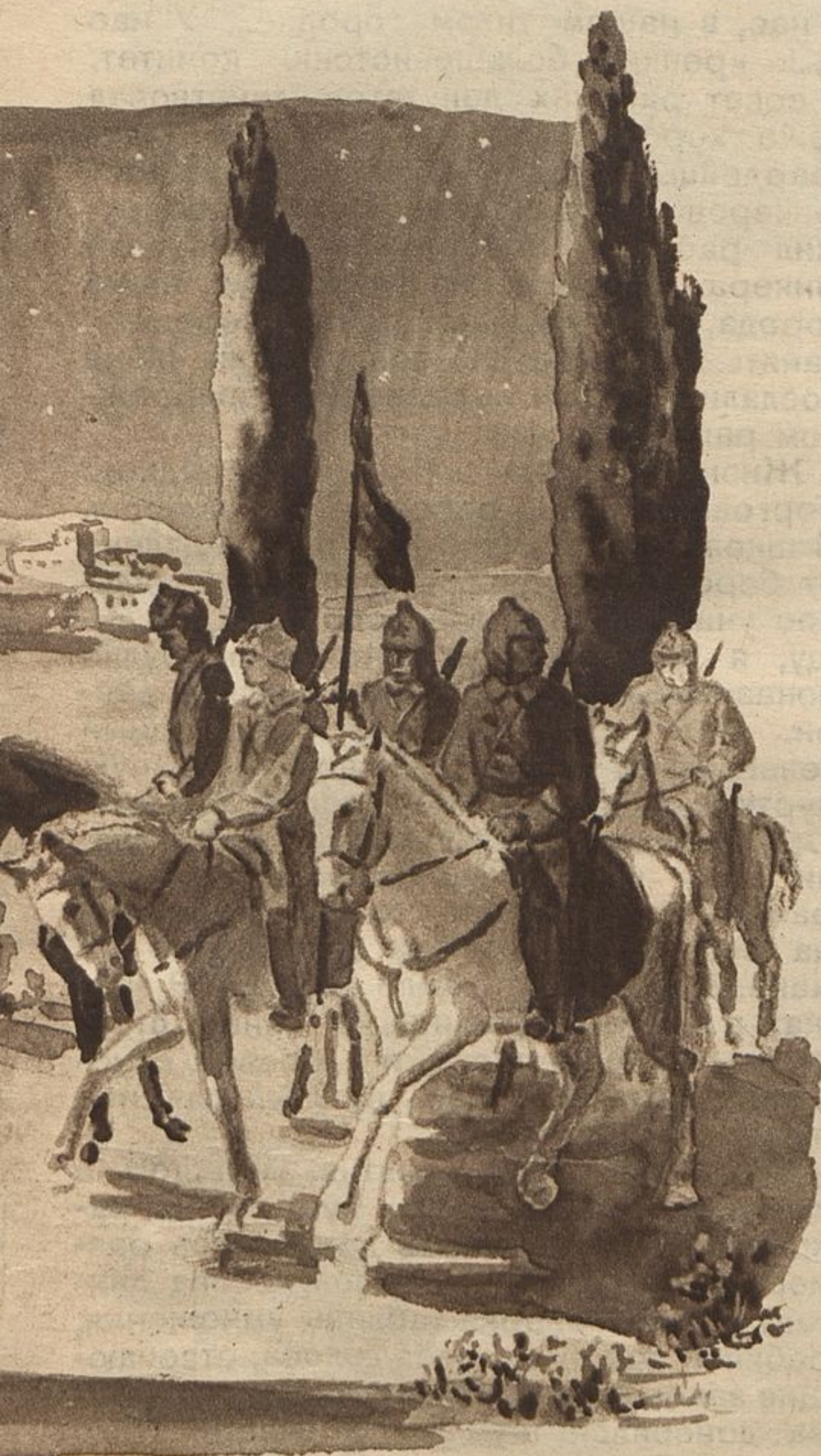
Но поздно. Буденный нырнул под коня,
Стреляет, кричит:

— Вспоминайте меня! —

На сильных ногах через низкий забор,
Потом через садик, потом через двор
И снова какой-то плетень перелез,
Смешался с кустами и вовсе исчез.

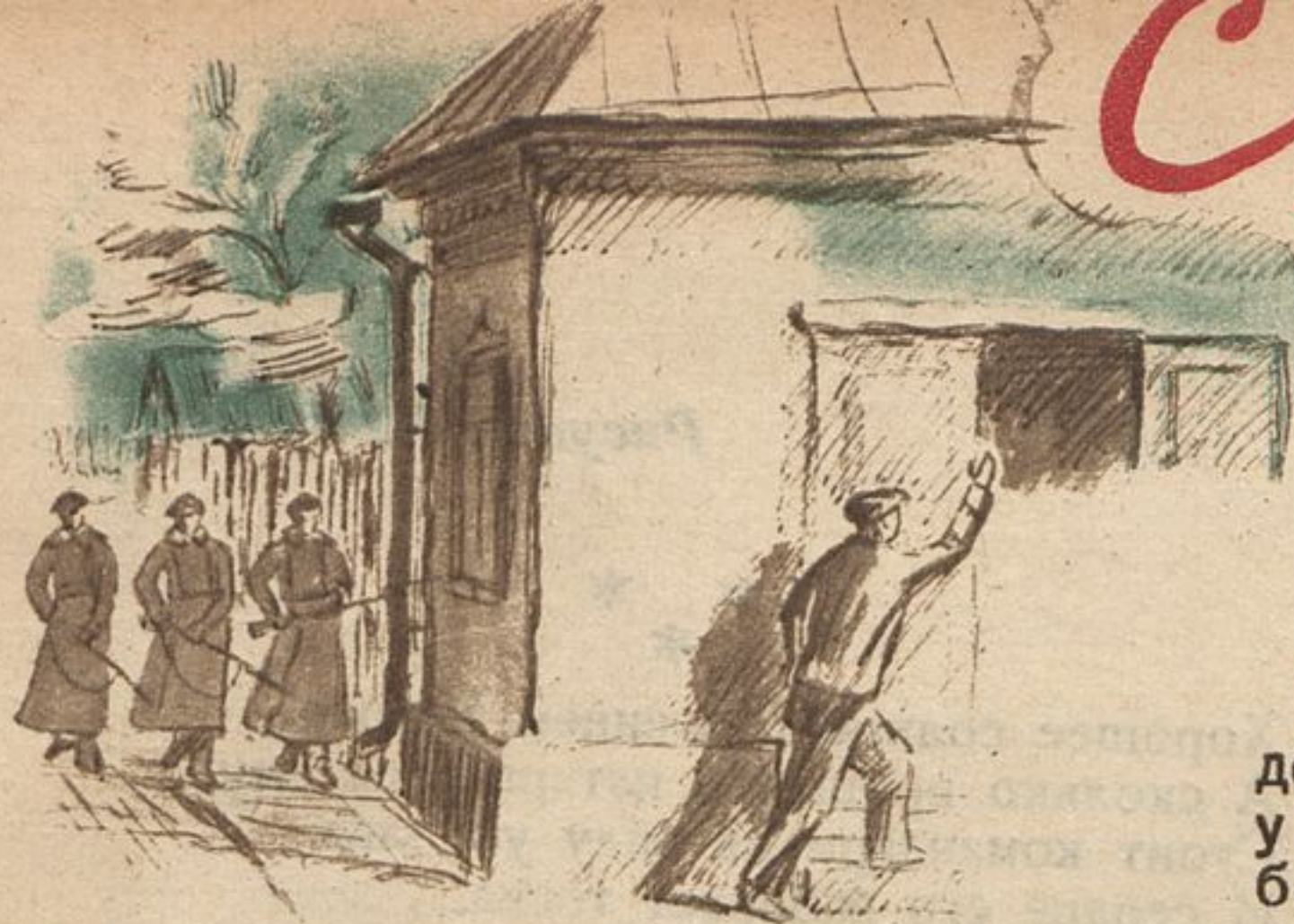
Хорошее солнце в осеннем Крыму...
В тот день не хотелось садиться ему.
Оно затуманилось только слегка,
Когда увидало два конных полка.
Высоко знамена держа над собой,
Полки развернулись и ринулись в бой.
И тот, у которого серп на шелку,
Не дал отдышаться другому полку,
Не дал отдышаться, разнес его в прах...
И солнце спокойно угасло в горах.

И пригород сонный, и город в луне...
Товарищ Буденный на рыжем коне,
А с ним Ворошилов на белом, как снег,
А с ними буденновцев сто человек.
Качаются в седлах бойцы и молчат,
И только копыта о землю стучат.
Серебряный тополь шуршит за спиной...
...Прощай, Симферополь, под круглой луной!

Становой хребет

Лев Кассиль
Рисунки В. Житенева

Тихо, тихо, ребята! — говорит Петр Никанорович и легонько стучит карандашом по краю стола. — Я ведь все слышу.

И в классе становится очень тихо. — Нехорошо... Вы что же, хотите, чтоб он обманул меня? стыдно, ребята!

Класс молчит. Молчит и тот, кому только что подсказывали. Он мнетя у карты и смотрит в пол.

— Так прямо бы и сказал, что не знаешь, не выучил, поленился читать. К следующему разу, мол, все буду знать... А то на подсказку надеяться — это последнее дело.

— Петр Никанорович! — раздается вдруг голос с задней парты. — Наверно, когда вы учились, так вам тоже подшепывали.

— Мне? Никогда!.. А, впрочем, стойте, стойте! Верно, было раз. Подсказали. Но ведь это совсем другое дело было... Мне вот сейчас сорок, а тогда, следовательно, двадцать лет было. Как раз половинку прожил при старом режиме. Это в семнадцатом году было. Я тогда только что вернулся с фронта к себе домой. Я еще на фронте был избран в солдатский комитет. И в Питере довелось мне слушать самого Ленина. Первый раз я тогда его увидел. Владимир Ильич говорил с балкона. Тысячи людей стояли вокруг меня и все слушали Ленина. Но мне казалось, что Ильич говорит именно для меня, потому что говорил он так, ребята, словно я ему заранее все свои вопросы задал, а он теперь на них ответить взялся. После его речи мне все стало понятно и ясно. Я пошел записываться в большевики. Меня приняли в партию и послали в родной город.

В октябрьские дни, когда в Петрограде и Москве уже шли бои, началось и у нас, в нашем тихом городке... У нас был крепкий большевистский комитет, и совет рабочих депутатов действовал тоже хорошо. Но из губернии белогвардейцы послали к нам вооруженных юнкеров на усмирение. Комитет вооружил рабочих. Вскоре мы узнали, что юнкера пристали на пароходе ниже города, по Волге, и могут нас опередить, занять выгодные для боя участки. Меня послали произвести разведку в прибрежном районе города.

Жизнь в городе шла своим порядком. Торговал базар, работали учреждения. В школах шли уроки. Как раз недалеко от берега находилось высшее начальное училище. Когда я подошел к училищу, я вдруг заметил, что в переулке показались юнкера. Они оцепляли район. Хотя я и переоделся (знакомый телеграфист дал мне свою казенную куртку), меня все же могли сцапать. Среди юнкеров и офицеров многие знали меня как большевика. У меня не раз бывали с ними стычки в губернии на собраниях. Юнкера шли прямо на меня. Долго думать было некогда. Я вбежал в подъезд училища. Училище стояло на высоком месте, и в боевом отношении это был очень важный для нас пункт.

В училище шли занятия. Коридор, в котором я очутился, был пуст. Из-за закрытых дверей классов доносились размеренные голоса учителей, слова диктанта, скороговорка таблицы умножения, ребячьи запинаящиеся голоса, отвечающие закон божий. Только из одного класса доносился шум и гул. Двери этого класса были открыты. В это время у подъезда на дощатом тротуаре зазвенели шпоры, стукнули приклады, затопали тяжелые сапоги. Очевидно, юнкера подходят к школе. Что делать, куда деться?..

В это самое время из открытых дверей класса высунулся мальчик. Лицо его было мне очень знакомо.

— Дядя Петя! Вы что тут делаете? — удивился мальчик.

И я узнал его: Сережа Покатов, сын одного из наших рабочих-железнодорожников. Я часто бывал у Сережиного отца: он тоже состоял в большевистском комитете.

Я быстро, в двух словах, объяснил Сереже, в чем дело.

— Идемте к нам в класс, — зашептал Сережа. — У нас пустой урок, учитель не пришел. Мы вас там спрячем. Вы под партой поместитесь?

— Вряд ли.

— Ну, тогда вы скажете, что вы новый учитель по географии. У нас теперь бывает, что меняются. А на вас вон и пуговицы золотые, телеграфные. Все поверят. А я дежурный сегодня. Молитву надо читать?

— Да нет, — говорю, — как-нибудь обойдемся так, без молитвы. Некогда тут. У вас как, ребята разбираются вообще в делах-то наших?

— Ясно, разбираются, — говорит Сережа. — У нас только один буржуй есть — Семка Скудеев, лавочник.

— Скудеев? Так он же меня знает. Я его папашу из совета гнал. Мы у него один лабаз под склад заняли. Он же, чертенок, меня выдаст разом!

— Не выдаст... Он у нас и пикнуть не посмеет!

И вот Сережа влетел в класс и, слышу я, говорит ребятам:

— А ну-ка, ребята, цыц! Давай тихо... Мигом! Ну! Вот чего. У нас сейчас новый учитель будет по географии. Только он большевик. Его юнкера могут убить. Он против буржуев. Он с самим Лениным знаком. Чур не выдавать! А кто пикнет, тому — во! И чтоб было тихо, как при настоящем учителе.

Вот я вхожу в класс вроде как учитель. Восемь лет в классе не был. Учиться мне до того времени приходилось лишь два года в приходской школе. Но я стараюсь держаться со всей важностью. А ребята смотрят на меня, хихикают. Однако встали, как полагается, дружно. Сережа, дежурный, подал журнал. Я взгромоздился на кафедру. Сижу, как на голубятне, смотрю на все и, что дальше делать, не знаю. Слышу, уже в коридоре сапоги топают, позвякивают шпоры. Сережа шепчет:

— Дядя, юнкера уже зашли, говорите скорей, будто урок объясняете...

А что я мог объяснить тогда? Вижу, висит за спиной большая карта. На ней коричне-

вой, голубой и зеленой краской всякие извилины нарисованы. А как в них разобраться? И вдруг двери раскрываются, входят офицер и трое юнкеров.

— Прошу прощения, — говорит офицер и отдает мне честь. — Я должен оставить в классе моих людей. Они вам не помешают, надеюсь? Я предлагаю вам продолжать урок своим порядком. Во избежание вредных толков среди населения прошу соблюдать абсолютно нормальный ход учения. Ясно?

Откозырял и ушел. А юнкера остались стоять: один у дверей, двое у окон на улицу.

Стоят, идола, и смотрят на меня. И лица у них не простые. Видать, не то из чиновников, не то из гимназистов. С образованием, словом. Как же тут при них урок вести, когда я ровным счетом ничего в географии не понимаю? Тут я догадался.

— Покатов Сергей! — вызвал я. — Что у нас на сегодня задано? Отвечай.

Сереза выскочил из-за парты, подошел к моей кафедре, расшаркался и давай катать без остановки.

— Так, так, хорошо, Покатов. Только не торопись.

Мне нужно время протянуть, а он частит. Вдруг Скудеев поднял руку и сам косится на юнкеров. „Выдаст, — думаю, — негодяй!“ Вижу, все к нему повернулись и под партами кулаки показывают: скажи, мол, только!

— Позвольте выйти, — говорит Скудеев.

„Нет, — думаю, — нельзя его выпускать. Он сейчас же офицеру все расскажет“.

— Сиди, сиди, — говорю, — потерпи немножко.

Он посидел немножко, потом опять поднял руку.

— Ну, чего тебе? Сказано, сиди.

— А я не прошусь, — говорит Скудеев, — я вопрос имею. Как вот тот горный хребет называется, что сбоку на карте нарисован?

Я обернулся к карте. Кто его знает, какой там хребет!

И вот тут-то мне, я слышу, класс подшептывает. Ученики подсказывают учителю: „Становой и Яблоновый... Становой хребет и Яблоновый...“

— Ты про какие горы спрашиваешь, Скудеев? — говорю я спокойно. — Про эти? А-а, так бы и сказал! Это Становой и Яблоновый хребет. Тебе надо бы знать это. Вы это давно проходили. Давай-ка сюда свой дневник.

Он оробел, подал мне свой дневник, и я ему вlepил там такую единицу, что она из географии даже в арифметику влезла...

— За что же единицу? — говорит он. — Вы же меня не спрашивали...

— А за то, что ты таких простых вещей не выучил, — говорю я и шопотом добавляю: — Ничего, ничего, получай!

А потом как закричу:

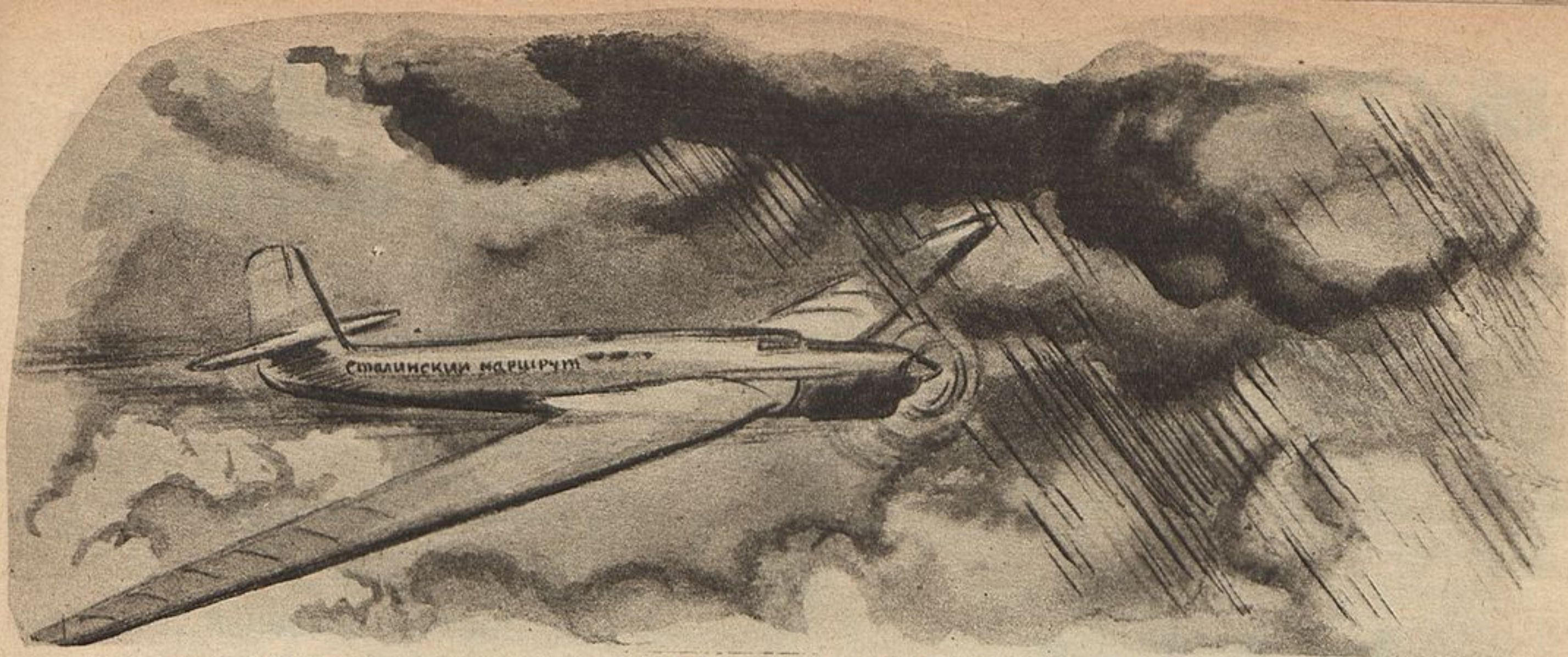
— И пошел в угол носом! На уроках ему не сидится, Становые и Яблоновые горы не знает! Стой до звонка!

И покосился на юнкеров. Вот я какой строгий учитель! Ну, тут, на мое счастье, звонок раздался, конец урока. Уф!..

Я взял журнал, пошел к учительской, зашел за угол, огляделся — в коридоре юнкеров нет! — и прыг через окно в сад, благо там оцепления не поставили.

Вот как я провел свой первый урок, и вот как ребята мне подсказали. Не знал я тогда, что мне предстоит потом стать настоящим учителем. После гражданской войны пошел я учиться и вот теперь занимаюсь, ребята, с вами.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ!

Путь открыт, светло в кабине,
На штурвал легла рука,
И поднялись в сумрак синий
Три пилота - смельчака.

Их умчали сквозь циклоны
два крыла.

Им шептали напряженно:
„Как дела?“

И ответ донесся краткий:
„Все в порядке!“

Долго буря бушевала,
Шли на приступ облака,
И сменялись у штурвала
Три пилота - смельчака...

Но когда обледенели
Два крыла,

Мы опять узнать хотели:
как дела?

И ответ донесся краткий:
„Все в порядке!“

Каждый день равнялся году,
Нелегко им было плыть,
Но упрямую природу
Удалось перехитрить.

Вот Страна какую силу
Им дала!

И Страна у них спросила:
„Как дела?“

И ответ донесся краткий:
„Все в порядке!“

Хорошо бы стать постарше
И над полюсом летать,
Хорошо бы нам вот так же
Научиться отвечать!

Полетят к полярной ночи
Два крыла,

И Страна узнать захочет:
как дела?

И ответ услышит краткий:
„Все в порядке!“

*Н. Саконская
Рисунки А. Петровой*

МУРЗИЛКИНЫ НЕБЫЛИЦЫ

Б. Быков
Рисунки Л. Смехова

ДВА МОРЯКА

Около пристани,
У маяка,
Встретились вечером
Два моряка.
— Я то расскажу тебе,
Мой дорогой,
Чего никогда
Не случилось со мной. —
Так старший моряк
Молодому сказал.
— Рассказывай, — младший
Моряк отвечал.
И вот на скамеечке
У маяка
Тихо беседуют
Два моряка.

Мурзилка уверяет, будто он слышал рассказы иностранного моряка. Вот один из этих рассказов.

АКУЛЬЯ УХА

Море внизу,
Наверху небеса.
Ветер не дует,
Висят паруса.
Нет солонины,
И нет сухарей.
— Джек, ты на ужин
Хоть чайку убей! —
Я приготовить
Кастрюли велю,
Ружье вынимаю
И в солнце палю.
Прямо по солнцу
Ударил заряд,
В море осколки
От солнца летят.
Море вскипает,
Как суп над огнем, —
Акулы и стерляди
Варятся в нем.
Восемь кастрюлек
И десять котлов
Ухою наполнили
Мы до краев.
Наелись мы плотно,
И сто человек
Горланили громко:
— Да здравствует Джек!

ТАК МУРЗИЛКА БУДЕТ РАССКАЗЫВАТЬ О СВОИХ ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ (В 1957 ГОДУ).

Конотьюшки

Я. Тайц
Рисунки В. Житенева

Я сидел на скале, у самой воды, и рисовал море. Оно было светло-зеленое, и я писал его зелеными красками. Потом оно стало синеть — я давай прибавлять синьки. Потом оно покрылось лиловыми тенями — я стал подмешивать к синему красного. Потом надвинулась туча, море стало серое, будто чугунное, — я приналег на сажу. Потом туча ушла, ударило солнце, море обрадовалось, и снова, как нарочно, стало светлозеленое.

Я погрозил ему кулаком:

— Эй, ты, море-океан, будешь дразниться?

А оно вдруг как плеснет „девятым валом“ и — слизнуло все мое хозяйство: альбом, краски, кисти... А сзади раздались:

— Ха-ха-ха! Хи-хи-хи!

Смешливое эхо подхватило:

— Ха-хи-хи!

Это пионеры из соседнего лагеря. Они окружили меня.

— Мы притаились, чтобы вам не мешать, а вы морю — кулаком! А оно все смыло! Тут уже мы не выдержали!

— Вам смешки да хаханьки, а у меня вон сейчас все в Турцию уплывет!

— Ничего, солнышко высушит!

Они живо все выудили, разложили на камешке.

— Не надо море! Лучше нас нарисуйте!

Я испугался:

— Многовато вас. Одного ного-нибудь. Ну, кто чем-нибудь знаменит?

— Вовсе не много, — сказал вожатый: — одно звено, двенадцать человек, — семь мальчиков, пять девочек, — и все знамени-

тые. Пожалуйста: один вырастил табун жеребят; другой поймал шпиона; третий сделал рекордную авиамодель; четвертый хорошо играет на скрипке; пятый...

Я разглядывал ребячьи лица, покрытые густым крымским загаром. „Двенадцать негритят“ — вспомнил я забавную песенку. Под панамками светились веселые — карие, голубые, серые — глаза.

У одной девочки все лицо было покрыто замечательными озорными веснушками. Они удивительно шли к ее синим глазам!

— Вот я кого буду рисовать, негритята, — сказал я. — Чем она знаменита?

— Поездом. Она поезд спасла! — „Негритята“ стали подталкивать девочку с веснушками: — Иди, Шурка, тебя срисуют, в Москву пошлют, иди!

Но Шурка заупрямилась:

— Не хóчу, пустите!

Она вырвалась и убежала, а за ней и подружки убежали.

— Они на девчинский пляж пошли, — сказал самый маленький пионер, скрипач.

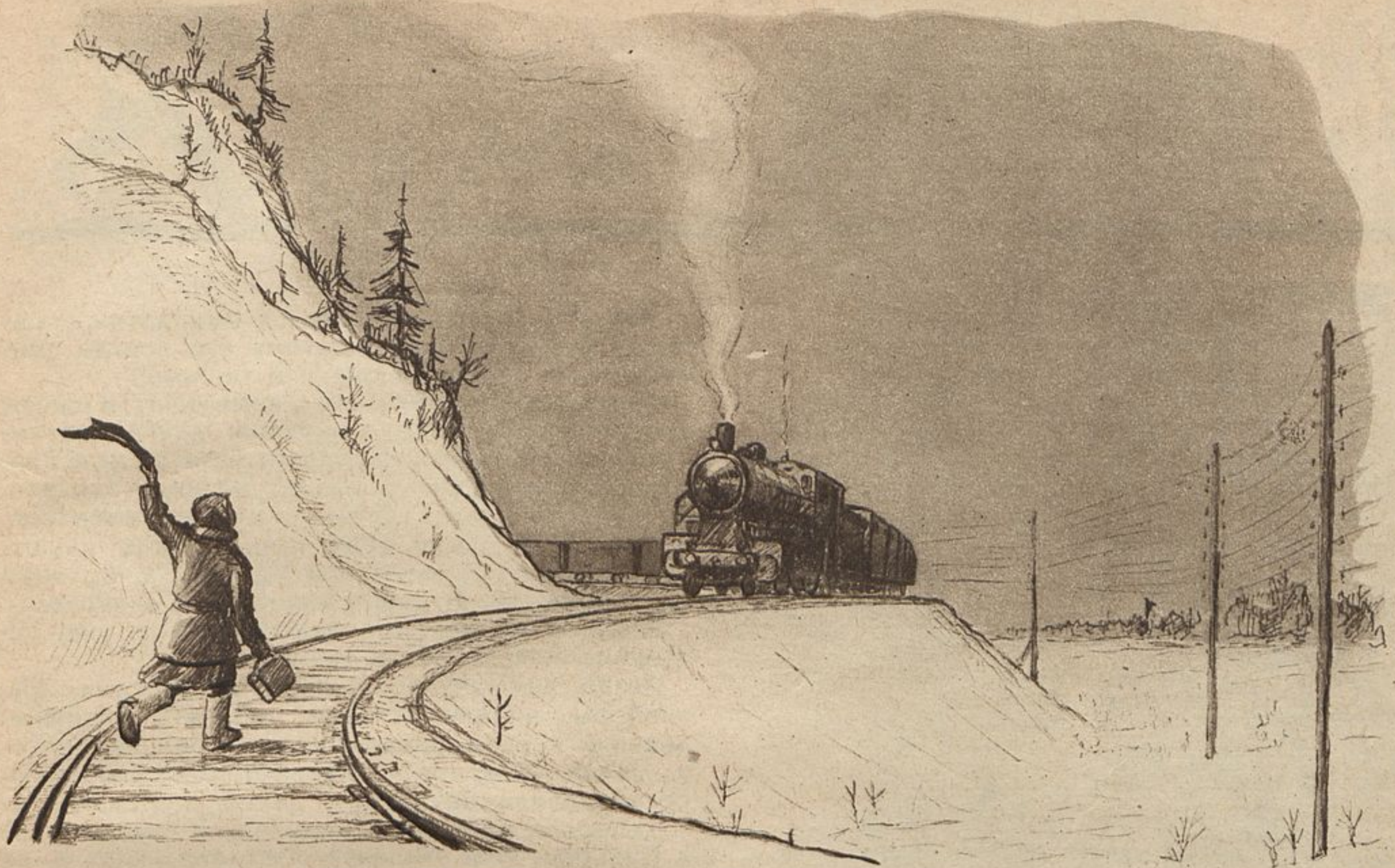
Мы тоже пошли на пляж.

Там, под навесом, желтели коротенькие ребячьи лежаки. Мы долго барахтались в прохладной воде, потом растянулись на лежаках. За стенкой, на „девчинском“ пляже, шумела Шурка с подружками.

Вожатый лежал около меня, и я спросил у него:

— Как же она поезд спасла, такая маленькая?

— Очень просто, — ответил вожатый. — Дело было там, в деревне, зимой. Она

пошла в школу по шпалам. Школа у них в другом селе. Вдруг видит — лопнувший рельс. Она бросила на рельс варешку, чтоб отметка была, и побежала назад. Стала ждать поезда. Галстук сняла, приготовила. А мороз жгучий, она вся застыла, рука заоченела. С полчаса простояла. Показался поезд — товарный! Шурка бежит к поезду, поезд бежит к Шурке. Она бежит, машет галстуком и все кричит и кричит. Голосок у нее — слышите? — звонкий. Ну, спасла — остановили. Да, машинист еще ей справку дал для школы, чтобы была причина, почему опоздала. Вот она, у меня хранится.

Он достал из сумки бумажку. Я прочитал:

„Дана Шуре Беловой, что она действительно сигналила галстуком поезду „313-бис“, чем предупредила аварию, по какой причине вышла из графика и идет в школу с опозданием. Причину считать уважительной“.

Я отдал Коле бумажку, поднялся и постучал в стенку:

- Шура, иди, я тебя рисовать буду!
- Не хóчу!
- Почему „не хóчу“?

— Не буду!

— Ну ее! — сказал вожатый. — Лучше вон скрипача нарисуйте!

Но мне хотелось Шурку рисовать.

На обратном пути я снова стал ее уговаривать. Она, наконец, призналась:

— Видишь, коноплюшки?

— Что?

— Ну, веснушки, по-нашему — коноплюшки!

— Чудная ты, Шурка! Ведь они тебе к лицу!

Она молчала.

— Ну, ладно, без них сделаю, — сказал я.

Она обрадовалась:

— Нешто можно?

— Конечно, ведь я не фотография!

Она согласилась, и я стал ее рисовать. Все звено полукругом выстроилось за моей спиной. Потом „негритята“ ушли в лагерь, я остался один. Я долго разглядывал Шуркин портрет...

Не та Шурка! Нет, не та!

Я оглянулся на море.

— Эй, ты, зеленое-серое-всякое, не скажешь Шурке?

И, тоненько очинив карандаш, стал покрывать Шуркино лицо маленькими озорными коноплюшками...

Мурзилкина газета

ПИСЬМО ИСПАНСКОЙ ПИОНЕРКИ

Мой отец — член испанской компартии с самого ее основания, поэтому его всегда преследовали. Часто он сидел в тюрьме.

Из-за того, что наш отец коммунист, в школе нас унижали, учителя внушали другим детям, чтобы они с нами не дружили. Сестра моя плакала, а я всегда говорила ей: не надо плакать, потому что придет время — и все изменится.

Мне было около семи лет, когда я начала уже понимать всю несправедливость, которая нас окружала. Я давно записалась в пионеры.

Нас, пионеров, преследовали, и я уже сидела несколько раз в тюрьме.

Когда вспыхнула война с фашистами, мы, пионеры, начали активно помогать старшим: девочки вязали джемпера, шили бойцам белье, а когда опасность надвинулась вплотную, организовали эвакуацию детей в Левант.

Теперь я одна. Мои родители и братья были в Бильбао. Я о них ничего не знаю, но я не трушу и смело иду вперед, потому что я уверена, что мы разобьем фашистов.

Я хотела бы стать взрослой, чтобы вступить в коммунистическую партию. У меня большое желание поехать в Советский Союз и, если возможно, учиться на летчика.

А пока я все силы отдам для моей любимой родины и пионерской организации.

Салют! Всегда готов!

Аврора Мигель

Валенсия, 17 июля 1937 г.

Это письмо получила писательница А. Барто от испанской пионерки, с которой она познакомилась, когда была в Испании

Мальчик из Мадрида

Фото из испанского журнала

СОН

Знаешь, Ваня, что сегодня
Мне приснилось во сне?
Будто сам великий Сталин
В гости приходил ко мне.
Он такой, как на портрете,
Такой ласковый стоит.
Я ему стихи читаю,
А он так мне говорит:
— Молодец, товарищ Костя!
Ты побольше так пиши,
И тогда ты прямо в гости
Ко мне в Кремль приходи.
Покажу тебе наркомов,
Ворошилова с конем,
И Буденного с наганом,
И буденновцев при нем. —
Показал ему я сказки,
Книжки лучшие свои,
Обещал ему учиться
Так, как Ленин нас учил.

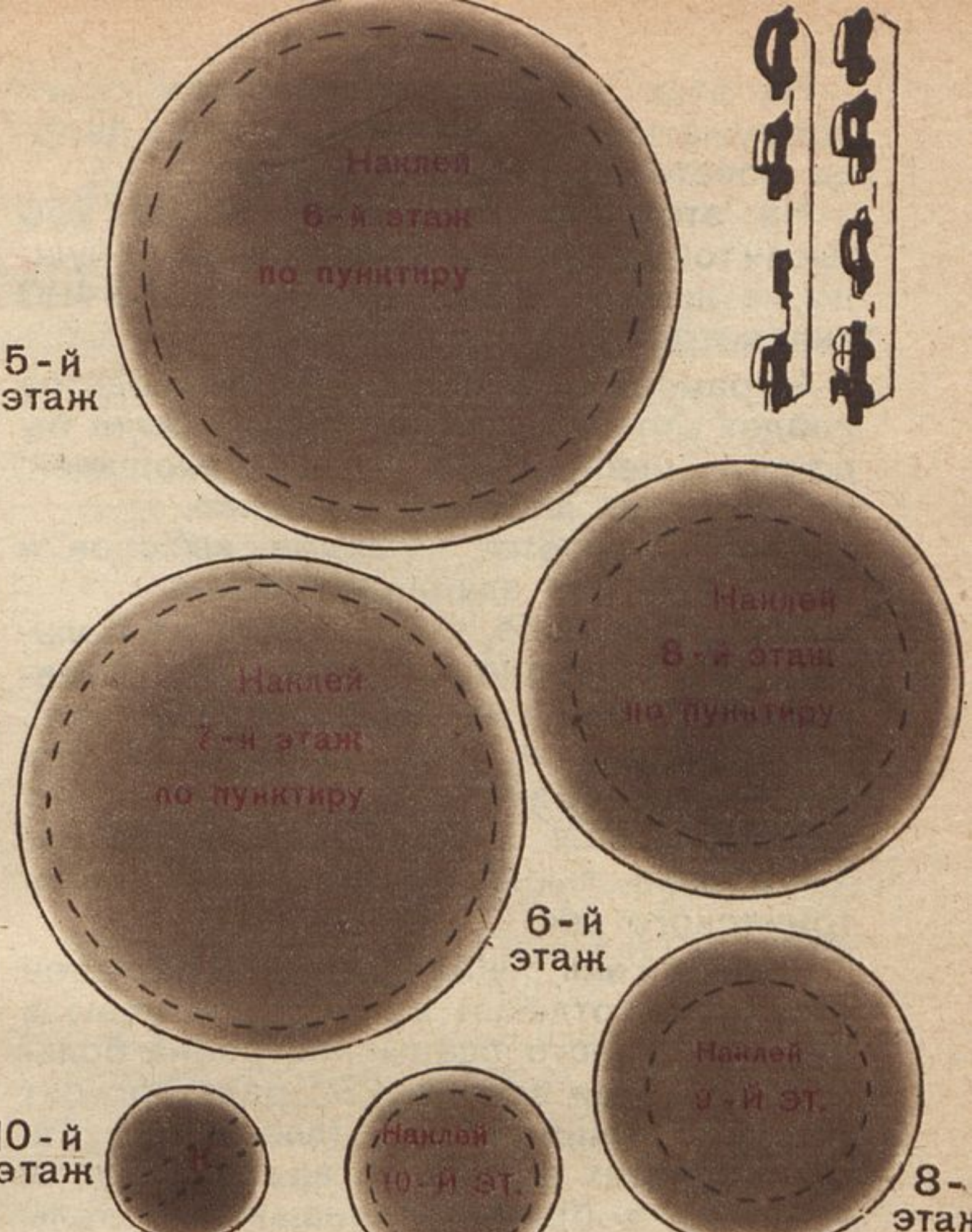
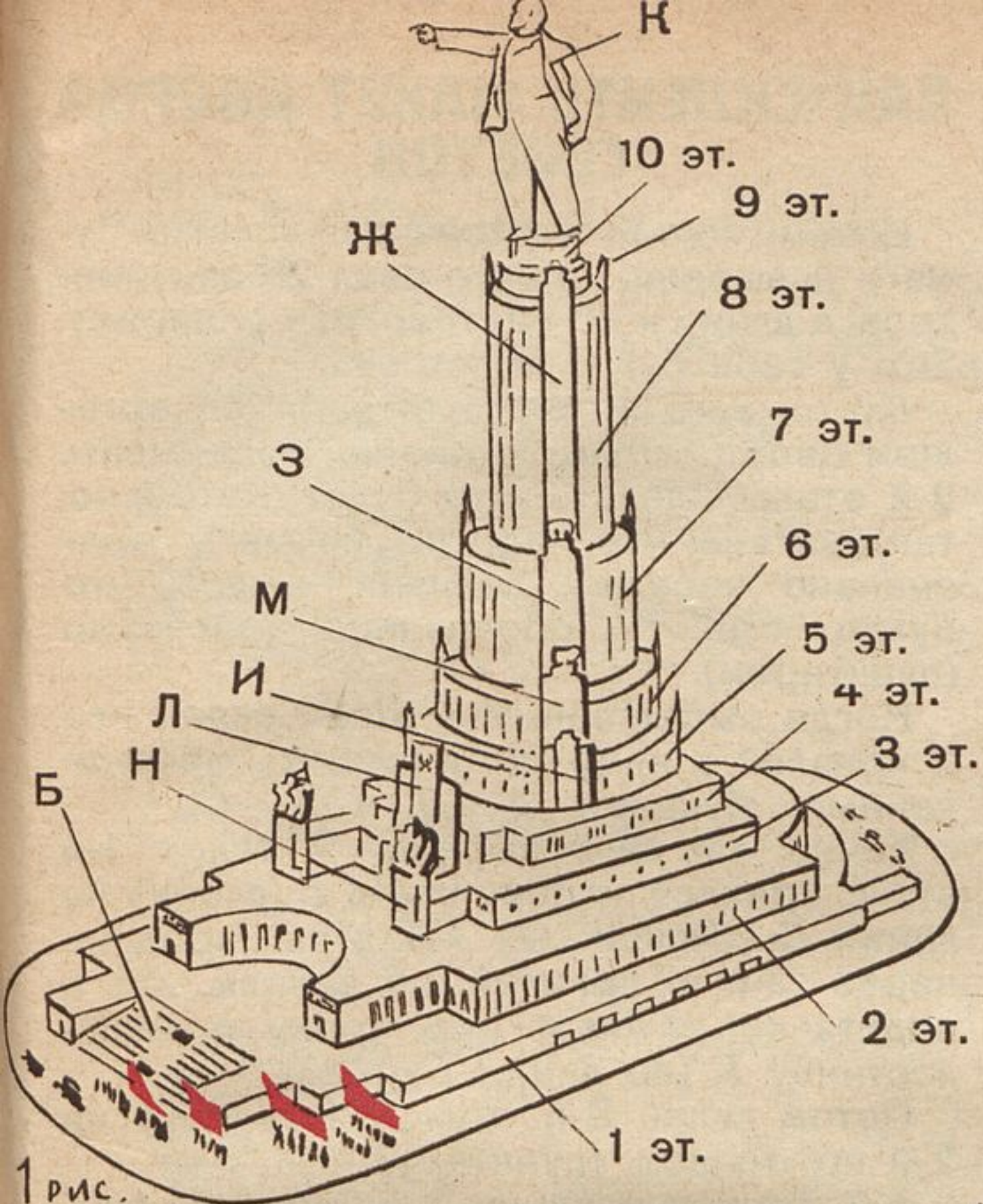
Костя Орлов, 9 лет. Москва.

С. М. Буденный в бою.

Рисовал пионер Сахаров.

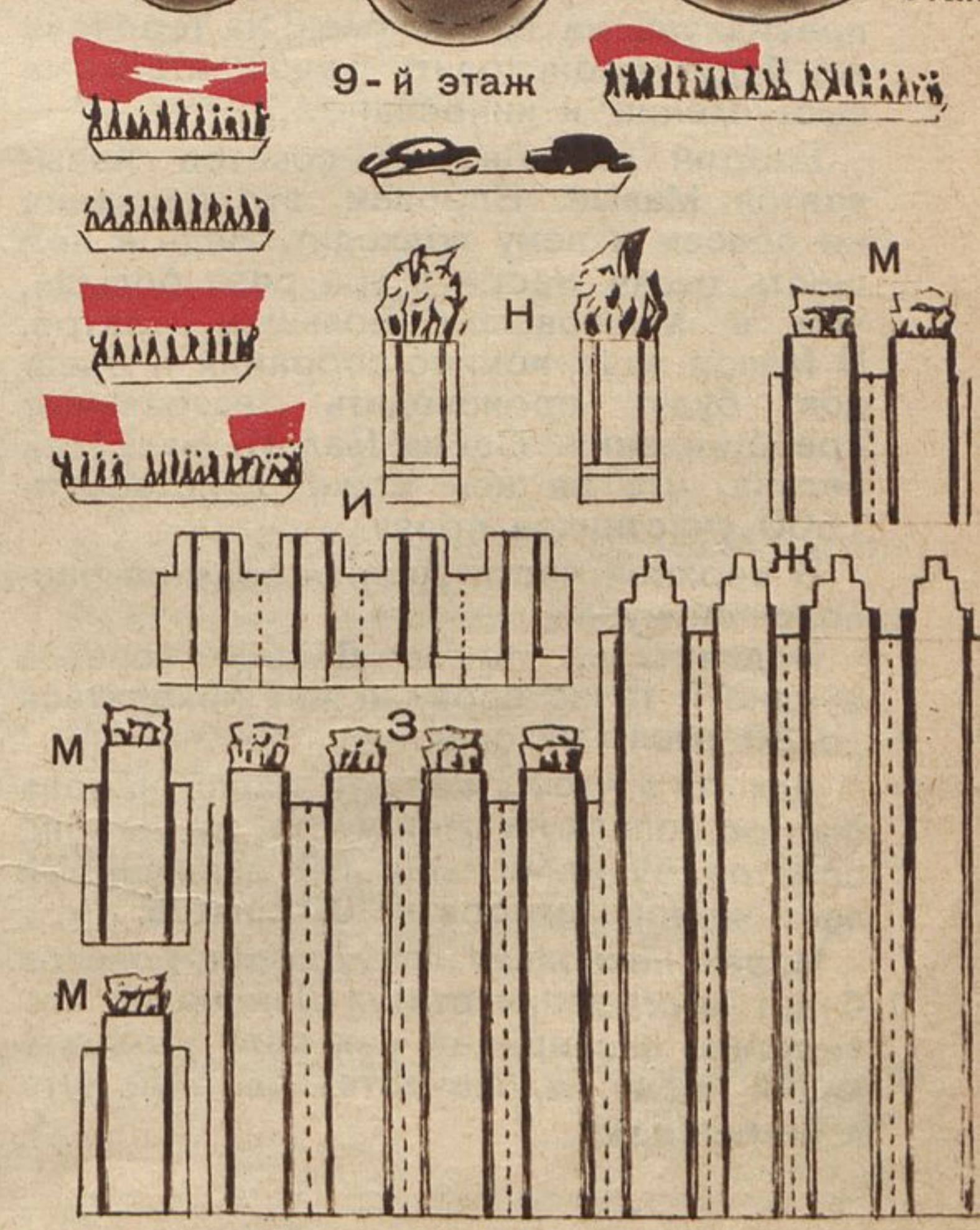

ДВОРЕЦ СОВЕТОВ СССР

В Москве строится самое большое здание в мире — Дворец советов. Это будет грандиозный памятник великому вождю пролетариата товарищу ЛЕНИНУ, памятник победы социализма на нашей родине, завоеванной под руководством партии и вождя народов — товарища СТАЛИНА.

Дворец советов будет иметь в высоту около 420 метров. Представь себе дом в 115 этажей, и ты поймешь, какая это огромная высота. Одна статуя Ленина, венчающая вершину Дворца советов, будет высотой в 100 метров — с тридцатиэтажным домом.

Для постройки всех фундаментов Дворца советов потребуется 250 тысяч тонн бетона. Если бы весь этот бетон одновременно погрузить в вагоны, то получилось бы 300 поездов, по 50 вагонов в каждом.

1 рис.

На этих мощных фундаментах будет сооружаться металлический каркас Дворца советов — стальной скелет.

На этот каркас пойдет около 250 тысяч тонн стали — столько, сколько нужно на железную дорогу длиной в 3400 километров.

А мрамора на облицовку Дворца советов пойдет столько, что им можно было бы покрыть шесть таких больших площадей, как Красная площадь в Москве.

Дворец советов — самое высокое и самое большое здание на земле!

Представь себе, что ты сидишь в Большом зале Дворца советов. Там помещается 20 тысяч человек. Этот зал очень высок. Кажется, что находишься под открытым небом, в глубине которого сияет большая хрустальная пятиконечная звезда, льющая в зал потоки электрического света.

Большой зал очень красив: он окружен колоннами, отделан мрамором. Сцены в нем нет. Вместо сцены построена большая красивая эстрада. Эстрада состоит из нескольких террас (площадок). На одной из этих террас во время съездов, митингов, собраний помещаются столы президиума на 150 человек; на террасах же будут происходить художественные выступления и киносеансы.

Второй зал Дворца советов называется Малым. Впрочем, это название не совсем к нему подходит. Ведь в нем шесть тысяч мест — в три раза больше, чем в Московском Большом театре. В Малом зале, помимо собраний и съездов, будут происходить театральные представления. Сцена Малого зала так велика, что на ней может действовать 1500 участников сразу.

В верхней части Дворца советов расположен музей.

Подсчитали, что во Дворце советов в одно и то же время может находиться до 30 тысяч человек.

Для того чтобы вся эта масса народа быстро попала на свои места, во Дворце советов будет больше 60 движущихся лестниц-эскалаторов и 100 лифтов.

Через несколько лет Дворец советов будет построен, и статуя Ленина на его вершине засверкает, как маяк, указывающий всему человечеству светлый путь к коммунизму.

КАК СКЛЕИТЬ МАКЕТ ДВОРЦА СОВЕТОВ

Возьми кусок картона или толстой бумаги и вырежь из него овал 28 сантиметров в длину и 16 сантиметров в ширину. Это у тебя будет подставка.

Потом возьми вкладной лист с чертежом Дворца советов и начни вырезывать 2-й этаж. Сделать это будет нетрудно, так как все, что надо вырезывать, обозначено черными линиями, и все, что нужно сгибать, обозначено точечками (пунктиром).

Когда вырежешь 2-й этаж, склей его и приклей к нему части (стены), обозначенные буквами *A—D* и *A—C*.

Точно так же вырежь и склей 1-й этаж, приклей к нему часть *E* (стена) по линии *E*. Склеенный 1-й этаж продень через 2-й и приклей по линиям *AA* к подставке; затем к 1-му этажу приклей лестницу *B* (по линии *B*).

Потом склей 3-й этаж, наклейте его на 2-й по точкам (пунктиру).

4-й этаж наклейте на 3-й, тоже по пунктиру.

После этого склей 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й этажи (буквы *Г, В, Ц, Ф, О, У*). У тебя получатся трубочки, которые ты наклеишь на кружки с пометками „наклей 5-й этаж“, „наклей 6-й этаж“ и т. д. Потом все эти этажи наклейте друг на друга, начиная с 5-го этажа и кончая 10-м. На самом верху укрепи статую Ленина, помеченную буквой *K*. Аккуратно вырежь обе ее стороны и склей их друг с другом.

Теперь вырежь колонну *I*, разрежь ее по пунктирам и приклей к 5-му этажу с четырех его сторон.

Дальше вырежь и приклей: колонну *M* — к 6-му этажу, колонну *З* — к 7-му этажу, колонну *Ж* — к 8-му этажу.

Две колонны *H* приклей спереди к выступам 3-го этажа, а часть *Л* (герб) приклей между этими колоннами (см. рис. 1).

Людей со знаменами и автомобили вырежь и приклей к подставке так, как указано на рис. 1.

Маленьким — восьми- и девятилетним — ребятам трудно будет справиться с этой работой. Пусть им помогут старшие братья, сестры, товарищи.

ЗАГАДКИ

*Жидко, а не вода,
бело, а не снег.*

МОЛОКОВ

*Не летает,
не поет,
и не птица, а клюет.*

УЛЬЮГА

*Кого с полу
за хвост
не подымеши?*

КЛЯВОК

**Отгадка к рисунку „ПОЖАР НА ОСТРОВЕ“
(Смотри „Мурзилка“ № 9.)**

Пастух перегнал стадо поближе к середине острова и зажег за собой траву. Когда вся трава на этом конце острова выгорела, он вернулся с овцами на прежнее место. Теперь пожар ему не был страшен, потому что огонь не может до него дойти по выжженному месту.

ОТВЕТ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 9

1. Кошка. 2. Вобла. 3. Ворон. 4. Акула.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказание о Ленине — Марфы Крюковой. Записал и обработал Викторин Попов, рисунки В. Константинова.
Сметенные Октябрем — рисунки С. Прусова.
Рожденные Октябрем — рисунки В. Житенева.
Ночь накануне боя — рассказ А. Шманкевича, рисунки В. Константинова.
Знаки славы нашей родины — рисунки А. Коджака.
Баллада о часах — Елены Благиной, рисунок Г. Туганова.
Становой хребет — рассказ Льва Кассиля, рисунки В. Житенева.

Все в порядке! — стихи Н. Саконской, рисунки А. Петровой.
Мурзилкины небылицы — стихи Б. Быкова, рисунки Л. Смехова.
Мурзилка в 1957 году — рисунок Л. Смехова.
Коноплюшки — рассказ Я. Тайца, рисунки В. Житенева.
Загадки, отгадки.
Обложка: Над праздничной Москвой через несколько лет. Рисунок Г. Туганова.
Приложение: Дворец советов СССР — худож. М. Ивашенцевой.

M7944

Цена 50 коп.

ДВОРЕЦ СОВЕТОВ

МАКЕТ

Как склеить макет Дворца Советов
смотри в журнале на странице 26.

На 25 странице помещаются некоторые
части макета, которые тоже надо выре-
зать и склеить.

